

С приходом весны одна за другой начали распускаться белые магнолии.

Велосипед катился сквозь ночную прохладу, укутанный их сладковатым ароматом. Полы чистой белой рубашки сидевшего на нём юноши шумно развевались на ветру.

Из придорожного магазинчика одежды доносилась песня «Чунь Цзяо и Чжи Мин». Напев проникал в его уши сквозь слуховой аппарат:

«Кто удержит тебя, если ты решишь уйти?

И пусть ожидание чуда полно тревог...

Таких, как они, простых и земных, на свете без счёта.

Весенняя нежность растает в круговороте дней,

Но глядя на опадающий цвет, мы вместе встретим старость...»

Шэн Юань притормозил. Из-за помех в слуховом аппарате мелодия то затихала, то вновь нарастала шипением старой заезженной пластинки. Этот хриплый, искажённый звук всколыхнул в его памяти кадры из гонконгского фильма, который он смотрел несколько лет назад.

Гонконг восьмидесятых годов прошлого века ослеплял роскошью. Прекрасная, полная жизни Мэгги Чун — ей тогда было едва за тридцать — сидела на багажнике велосипеда Леона Лая. Она тихо напевала песню Терезы Тенг «Сладкая как мёд», столь популярную на материке, пока они петляли по оживлённым улочкам Коулуна, пробираясь сквозь бурлящий поток Яуциммонга.

Двое потерянных в чужом краю молодых людей, говорящих на одном языке и связанных одной родиной. Их общие корни невозможно было разорвать.

Кантонский диалект... Шэн Юань не только понимал его, но и свободно на нём изъяснялся. Этот язык, зародившийся за тысячи ли отсюда, навечно въелся в его плоть и кровь. Настолько глубоко, что при первых же звуках кантонской речи в сознании мгновенно всплывал образ матери — женщины, прекрасной, как цветок баугинии.

Его мать, Хун Чжуи, некогда блистала на сцене гонконгского кабаре «Красный зал». Оглушительной славы она не снискала, но урвала свой недолгий миг триумфа. В музыкальных лавках, где витрины пестрели пластинками групп Beyond, Алана Тама или Джорджа Лама, изредка ещё можно было отыскать пыльные диски с её записями.

Настоящее же падение Хун Чжуи началось после случайного знакомства на банкете с молодым предпринимателем по имени Шэн Юньчжоу. Доверчивая, неопытная девушка легко поддалась его чарам и с головой окунулась в омут влюблённости. Лишь забеременев, она с ужасом узнала, что на материке у её избранника давно есть законная семья.

Но в характере Чжуи всегда жило упрямство. Вопреки уговорам и осуждению близких она твёрдо решила оставить ребёнка. Покинув сцену кабаре, она навсегда исчезла из светской хроники. Хун Чжуи так и не дала сыну официального имени: она категорически не желала записывать его под фамилией Шэн, но и свою — Хун — давать не хотела, ведь саму её когда-то взял под опеку приёмный отец, подарив ей эту чужую фамилию. Поэтому она просто звала его Малышом. День за днём, из года в год.

Когда мальчику исполнилось пять лет, он тяжело заболел. Жар не спадал двое суток, лоб горел как в огне. Хун Чжуи, привыкшая сорить деньгами в былые сытые времена, в критический момент обнаружила, что у неё не осталось ни гроша за душой. Мечась в панике, она бросилась собирать крохи по знакомым. Наступив на горло собственной гордости, Чжуи пошла к бывшему владельцу кабаре. Она униженно молила одолжить хоть немного, клянясь вернуть всё до копейки, как только сыну станет лучше. Когда-то, до её ухода, они ладили, но теперь её ждал лишь ледяной отказ. В глазах дельцов, ослеплённых жаждой наживы, увядшая, потерявшая форму бывшая звезда мало чем отличалась от вчерашнего прокисшего обеда.

Но она не сдалась. Прижимая к груди бесчувственное дитя, женщина стучалась во все двери. Спасение пришло откуда не ждали: ей вызвался помочь внук одного чрезвычайно влиятельного на материке старого промышленника. Благодаря его вмешательству мальчика наконец приняли в больницу.

В клинике за ребёнком ухаживали со всем усердием. Чудом из чудес было то, что страшная лихорадка не лишила его жизни, однако за спасение пришлось заплатить непомерную цену — он полностью оглох. Чтобы наскрести на первый слуховой аппарат, Хун Чжуи распродала все свои украшения. К счастью, в прежней жизни её тщеславие сослужило хорошую службу: она обожала скупать вычурные и баснословно дорогие безделушки. Радость от покупки, впрочем, угасла мгновенно, стоило врачу озвучить стоимость кохлеарной имплантации и последующей реабилитации. Сумма превышала цену аппарата в десятки раз. Чжуи пришлось расстаться с квартирой.

Шёл две тысячи девятый год. В безумном, тесном Гонконге одинокой женщине без гроша в кармане выжить было сродни подвигу, а уж вырастить глухого ребёнка — и подавно. Годами она сносила косые взгляды, презрительные смешки и шепотки за спиной. Но обречь собственного сына на такую же долю, заставить его прозябать в нищете и страданиях она не могла. И тогда женщина, всю жизнь державшая спину ровно, склонила колени перед бывшим возлюбленным — человеком, которого ненавидела всей душой.

Собственная гордость больше не имела значения. Важно было лишь одно: её мальчик получит лучшее образование, вырастет в достатке и станет тем самым весёлым, здоровым ребёнком — ярким солнцем, согревающим её память. А она сохранит этот образ до конца своих дней.

С тех пор пролетело больше десяти лет.

«Почему же ты ни разу так и не приехала в Юньчуань навестить меня, мама? — беззвучно, с грустной тоской вопрошал в пустоту Шэн Юань. — Боялась, что я возненавижу тебя за то, что ты оставила меня? Или думала, что я совсем позабыл твоё лицо? Но если бы я действительно тебя ненавидел, разве возвращался бы мыслями в те времена так часто? Те неизвестные гонконгские годы были во сто крат счастливее всей моей сытой жизни в доме Шэн. Если бы ты только знала, как мне здесь одиноко и плохо... Пожалела бы ты тогда о своём решении?»

Дорога впереди казалась бесконечной.

— Орео! Стой! Назад! Не смей прыгать на велосипед!

Крик разорвал тишину. Из-за кустов у обочины выскочил сорвавшийся с поводка бордер-колли и во весь опор помчался наперерез неторопливо ехавшему велосипеду.

От неожиданности Шэн Юань вздрогнул. Боясь сбить животное, он резко рванул руль в сторону, но потерял равновесие. Тяжёлый пёс с разбегу врезался прямо в него, и в следующую секунду юноша вместе с велосипедом с грохотом повалился на асфальт.

Запыхавшийся хозяин собаки, бежавший следом, при виде упавшего человека едва не задохнулся от злости и страха. Сыпля ругательствами в адрес питомца, он подлетел ближе. Орео тем временем виновато кружил вокруг лежащего юноши, жалобно скуля и пытаясь поддеть его носом, чтобы тот поднялся.

— Извините! Ради бога, извините! Этот оболтус совершенно не умеет себя вести, когда видит людей! — Хозяин в панике попытался помочь пострадавшему подняться. — Вы целы?..

Договорить он не смог — язык прирос к гортани.

Шэн Юань лежал с плотно закрытыми глазами, его губы стремительно бледнели, а тело покрылось крупной испариной, мгновенно пропитавшей тонкую ткань белой рубашки.

Испугавшись не на шутку, мужчина принялся бессвязно бормотать извинения, лихорадочно набирая номер скорой помощи. Спустя минуту к Шэн Юаню вернулись крохи сознания. Он с трудом приоткрыл веки, но перед глазами всё плыло и темнело. Голова раскалывалась от жуткого головокружения, грудь словно сдавило каменной плитой, не давая сделать даже короткий вдох. Дрожащей рукой, перепачканной в дорожной пыли и крови, он коснулся уха.

Аппарата не было.

В этот миг паника одарила его приливом безумных сил. Превозмогая разрывающую тело боль, он перевернулся на живот и пополз по холодному асфальту, всматриваясь мутным взором в

дорожное полотно в поисках своей единственной ниточки к живому миру.

— Что вы ищете? Позвольте, я помогу! — растерянно лепетал над ухом хозяин пса.

Наконец Шэн Юань заметил его — маленький прибор сиротливо лежал у самого края цветочной клумбы. Его отбросило довольно далеко. Стиснув зубы, юноша пополз туда. Ладони и колени были содраны в кровь, сквозь порванную ткань брюк проступали багровые пятна. Каждое движение отзывалось новой вспышкой невыносимой боли, сковывавшей суставы.

Орео, словно осознав свою вину, виновато поджал хвост и тихонько заскулил. Подбежав к клумбе, он осторожно подхватил зубами чёрный пластиковый корпус и бережно опустил его прямо перед лицом юноши.

Шэн Юаня била крупная дрожь. Онемевшие пальцы не слушались, ускользающий прибор раз за разом вываливался из рук, пачкаясь в пыли. Заметив его тщетные попытки, хозяин собаки поспешно опустился на колени и аккуратно помог закрепить аппарат на ушной раковине.

— Слышите меня? — с надеждой спросил мужчина. — Слышно? Попробуйте разобрать, что я говорю...

От бешеного стука сердца в ушах стоял сплошной гул, лишая возможности соображать. Лишь когда сквозь шипение динамика пробился чужой взволнованный голос, Шэн Юань со слабым вздохом расслабил одеревеневшую спину. Последние силы оставили его.

Сознание начало угасать. В полузабытьи ему почудилось, будто чьи-то тёплые руки бережно подхватили его, укутывая мягким покрывалом из лепестков цветущей магнолии. Он закрыл глаза, вдыхая свежий запах прибитой дождём пыли, и поток воспоминаний увлёк его за собой в далёкое прошлое.

Гонконг. 2010 год. Дождливая ночь

Шум ливня затапливал мир. В ту ночь мама отдала его в чужие, холодные руки. Она плакала, и её слёзы смешивались с потоками воды на лобовом стекле машины, размывая контуры лица. Из-за этой пелены он так и не смог напоследок разглядеть её как следует.

Пейзаж за окном стремительно уносился назад. Улочки и переулки, по которым они когда-то бродили с матерью рука об руку, теперь казались тонкой нитью, уходящей во тьму. Чем дальше уносил его автомобиль, тем сильнее натягивалась эта невидимая нить, пока окончательно не выскользнула из его крошечных детских ладоней, оставив их пустыми. Машина держала курс на север.

— А где моя мама?

Он до сих пор помнил, как этот чужой мужчина, чей глубокий, бархатистый голос звучал так непривычно мягко, произнёс на кантонском беспощадные слова, заставившие ребёнка зайти в плаче:

— Она тебя бросила.

— Тогда... мне теперь жить с тобой?

— Ты мне тоже не нужен, — бросил он с холодным равнодушием.

Мальчик разрыдался.

Мужчина даже не взглянул на него. То, что он позволил чужому, грязному ребёнку ехать на соседнем сиденье своего роскошного автомобиля, уже было невиданной щедростью. За окнами один пейзаж сменял другой. Картинки этой бесконечной дороги могли бы составить целую жизнь для обычного человека. Но их путь лежал в Юньчуань.

Машина затормозила у ворот роскошного особняка, принадлежавшего богатому семейству Шэн. Малыш, размазывая слёзы по щекам, быстро забыл обиду и, едва открылась дверца, послушно засеменил следом за своим невольным спасителем. Раздалась трель дверного звонка. На пороге показались незнакомые люди — его новая семья.

Появление внебрачного сына вскрыло многолетнюю измену Шэн Юньчжоу, превратив жизнь некогда образцовой семьи в сущий ад. Трещина, пролёгшая между супругами в тот день, оказалась слишком глубокой — даже годы не смогли сгладить эту невидимую пропасть.

— Отныне твоё имя — Шэн Юань. И не смей больше говорить, будто у тебя его нет, — напутствовал его мужчина, в чьём голосе наконец проскользнули скупые интонации заботливого старшего.

— Моё имя? Это ты его придумал?

— Нет, не я.

— А кто тогда?

— Ван Вэй.

— А кто это — Ван Вэй?

В тот год ему исполнилось шесть. В первый же день своего пребывания в Юньчуане он обрёл имя. Мальчик ещё не знал, что эта чужая земля станет его домом на долгие годы, а в далёкий Гонконг он больше не вернётся никогда.

— Ты уже уходишь?

Он растерянно замер на месте, провожая глазами удаляющуюся фигуру своего спасителя. Силуэт мужчины становился всё меньше и бледнее, пока окончательно не растворился в сумерках, словно капля чистой воды, упавшая в густые чёрные чернила.

Именно тогда в его детском сознании зародилась простая и горькая мысль: отныне ему придётся идти по жизни в одиночку.

Он так и не узнал имени того человека, не запомнил его лица, растерял в памяти редкие звуки его голоса.

Возможно, некоторым встречам в этом мире суждено случиться лишь однажды. Им было дано пройти вместе лишь крошечный отрезок пути.

<http://bllate.org/book/20131/2118381>